

кона в Тмуторокань; основание каменной печерской церкви. Даже после рассказа о смерти и погребении Феодосия Нестор продолжает излагать историю своей обители: повествует об игуменстве Стефана, о завершении строительства каменной церкви, о «смятении» среди братии, в результате которого Стефан вынужден был покинуть монастырь, об игуменстве Никона.

Новая тема частично видоизменяет самый строй житийного повествования. Рассказ Нестора теряет свою непрерывность и приобретает черты летописного способа изложения — по событиям. Несмотря на отсутствие дат (в древнейших списках Жития налицо только две даты: 6570 — год переселения иноков из пещер на поверхность земли и 6582 — год смерти Феодосия), изложение событий тем не менее ведется во временной последовательности; рассказ о смерти Варлаама, например, читается много ниже рассказа о его пострижении, после перерыва, в «свое» время; нарушение принципа временной последовательности ощущается автором как неправомерное «пресечение» повествования и обычно тщательно оговаривается. Каждый новый рассказ вводится в Житие одной из традиционных летописных формул: «В то же время», «Бысть же в то время», «Тогда же», «Тогда бо», «По сих же», «По сем же» и пр. Некоторые события излагаются в жанре летописного погодного известия (уход Никона и Ефрема, смерть Варлаама и назначение печерского инока Исая игуменом монастыря св. Димитрия, возвращение Никона в Киев). Рассказ об этих событиях фактографичен и краток; преследует информационные цели; наряду с основными спешит сообщить и некоторые дополнительные сведения (если речь идет, допустим, о церкви или монастыре, здесь появляются характерные летописные указания: «се же и донныне есть», «иже и донныне есть»; если о том или ином лице — аналогичные указания: «идеже и донныне честное его тело лежит», «иже последи же поставлен бысть епископом...»); приводит факты, прямого отношения не имеющие ни к данному известию, ни тем более к житию Феодосия (в рассказе, например, об уходе Никона в Тмуторокань попутно излагается история инока Минны, который вместе с Никоном ушел из Киева, но потом расстался с ним и поселился в Константинополе на одном из местных прибрежных островов).

Житие Феодосия теперь рассматривается Нестором уже как часть истории Печерского монастыря, в неразрывной связи с нею. Обстоятельство это во многом существенно изменило задачу Нестора-агиографа. Так как фактическая канва жизнеописания Феодосия оказалась поглощенной историей монастыря, на долю собственно житийного повествования осталось только одно: «портретная» характеристика Феодосия как человека и игумена. На этот путь Нестор и вступил — путь по тому времени не легкий: с такой задачей литература древней Руси еще не сталкивалась.

Свой образ Феодосия Нестор построил крайне просто, если судить с точки зрения литературной «портретной» живописи нового времени. Он начал с того, что стал перечислять, подчас в довольно произвольном порядке и не без повторений, все известные ему добродетели Феодосия, его духовные совершенства («кроток нравом», «тих же смыслом» и пр.), сопровождая это перечисление многочисленными примерами-иллюстрациями.

В результате Житие у Нестора, в этой своей части, распалось на ряд рассказов, каждый из которых должен был показать Феодосия в том или ином повороте, — переключилось в сборник сказаний, связанных между собой единством центрального героя.

В сказаниях этих Нестор еще раз продемонстрировал свое мастерство рассказчика. По структуре они предвосхищают рассказы Печерского па-